

Мамедомо Зузиш —
Тбилиси — 1990 —
9 февр.

«Утро знало меня в лицо
и явилось точно затем,
чтобы быть при мне и меня
никогда не оставить... Я
должен был где-то в буду-
щем отработать утро его
доверие».

Борис ПАСТЕРНАК.

выдающиеся деятели лите-
ратуры и искусства того вре-
мени. У сына знаменитого
художника и известной пи-
анистки очень рано прояви-
лись многочисленные талан-
ты. Генетическая наследст-
венность, обобщенная даром
Божьим, вскормленная в
идеальных творческих усло-
виях, дала свои поистине
чудодейственные результа-
ты (как не вспомнить тут
Моцарта!).

Борис Пастернак продол-
жил познание мира в класси-
ческой гимназии, затем на
философском отделении ис-
торико-филологического фа-
культета Московского уни-
верситета, изучал компози-
цию в консерватории, обща-
лся со Скрябиным, кото-

творчество и искушения...
Вот что волновало юношу,
как и многих других его
сверстников, во все времена
в разных странах.

«Что есть Бог? Что есть
молитва наша? Талант от
Бога или дьявола? Фауст и
Мефистофель...» — вот при-
близительный круг затаен-
ных мыслей-вопросов, на ко-
торые надо было получить
ответы. Выбор Марбурга,
думается, был не случаен.
Согласно учению Марбург-
ской школы, философия не
может быть знанием о мире,
она сводится к методологии
и логике частных наук. От-
рицая объективную дейст-
вительность, философы этой
школы стремились изолиро-
вать познание от чувственно-
го содержания и рассматрива-
ли его как чисто логический
процесс конструирования
понятий.

По меткому замечанию
академика Д. Лихачева, Па-
стернак оставил философию,
главным образом не выдер-
жав воздержания от искус-
ства и осудив академиче-
ское, нетворческое безуча-
стие подражателей и учени-
ков Когена (известного фи-
лософа, преподавателя Мар-
бургской школы. — Прим.
Г. Г.), о чем он писал в ию-
ле 1912 года: «Что меня го-
нит сейчас? Порядок вещей?
Понимаешь ли ты меня? Я
видел этих женатых ученых;
они не только женаты, они
наслаждаются иногда теат-
ром и сочностью лугов; я
думаю, драматизм грозы
также привлекателен им.
Можно ли говорить о таких
вещах на трех строчках?
Ах, они не существуют, они
не спрягаются в страдатель-
ном (залоге). Они не падают
в творчество. Это скоты ин-
теллектуализма».

Думается, с Марбургской
школой все ясно. Во всяком
случае, осенью Борис Па-
стернак возвращается из
Германии в Москву и в
1913 году заканчивает уни-
верситет. Безусловно, пре-
бывание в Германии, так же
как и общение со Скряби-
ным, с друзьями-художни-
ками отца, музыкальной

средой матери, не прошло
бесследно.

Философ, художник, му-
зыкант... сквозь созерцатель-
ность строя мыслей, нани-
занного на жизненную па-
литру со всеми спектрами
звуками высшего таинства,
создаваемого миром музыки
(самым философским и воз-
вышенным искусством, мак-
симально приближенным к
Богу) — воссоединившись,
образовав триединство... соз-
дали Поэта, рыцаря и раба
Логоса. Иоанн-евангелист
повествует о Слове и его
воплощении: «В начале было
Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог».

Когда точно родился
Поэт Пастернак, сказать
трудно, этого теперь ни у
кого не спросишь и нигде не
вычитаешь. Да это и не
важно! Первые опубликован-
ные стихи помечены именно
1912 годом, судя по всему
— знаменательным годом,
когда уже нечто было сфор-
мировано, жизненный путь
был намечен, а время и ме-
сто действия дали свои пло-
ды. То время свое он на-
звал «начальной порой», ко-
гда юноша, не стесняясь
своей чрезмерной чувстви-
тельности, сочетаемой с
удивительной глубиной и
«серьезностью», мечтает
«достать чернил и плакать.
Писать о феврале навзрыд»,
— чрез благовест земной
умчаться «туда, где ливень
еще шумней чернил и слез»,
туда.

«Где, как обугленные
груши,
С деревьев тысячи
грачей
Сорвутся в лужи
и обрушат
Сухую грусть на дно
очей».

Февральская грусть... С
чем связана она? Накануне
дня рождения, как в Сочель-
ник, начинаются сложные
мысли, но проясненные про-
шедшим годом, прибавлен-
ным к часу появления на
свет. Размышления о жиз-
ни, о назначении, накоплен-
ной энергии, сублимации,
превращениях, запестревших
разноликими, разноцветны-
ми масками шумного карна-

вне времени, вне рассто-
яний, «воздушные мосты»,
связавшие Переделькино с
различными городами и го-
дами, людьми и домами; пе-
ределькинские импульсы до-
ходили до различных угол-
ков земли... мысли, мытар-
ства, свечи и судьбы, по-
этические строчки, звуки
рояля и удивительная забо-
та друг о друге; различные
судьбы. Одной Большой
Семьи, один общий стол,
вокруг которого в вихре
ветра времени домочадцы со
своими родными и близки-
ми, тоже членами этой
семьи, собирались за чаем
поделиться мыслями и впе-
чатлениями вслух, а порой
и про себя... Но это неваж-
но. Мысли свои можно было
поведать переделькинским
соснам, преданным друзьям
и охраняющим вечный покой
поэта...

«Зина, схорони меня у
тех сосен»... — последняя
просьба, последняя мысль,
брошенная в мир, где «про-
несшейся грозой полон воз-
дух».

Нынче у поэта вековой
юбилей. А что значат для
него, для нас эти юбилеи,
приуроченные к круглым да-
там? Да ровным счетом ни-
чего: традиционная дань веку
нынешнему, но не времени
нонешнему. Теперь от юби-
леев стали отказываться...
И это тоже стало модой.

Мы назовем юбилей про-
стым и первозванным сло-
вом: день рождения. У Поэ-
та сегодня День рождения.

«Я родился в Москве 29
января 1890 года по старо-
му стилю (10 февраля по
новому. — Прим. Г. Г.) в
доме Лыжина, против Ду-
ховной семинарии, в Ору-
жейном переулке. Необъяс-
нимым образом что-то за-
помнилось из осенних про-
гулок с кормилицей по се-
минарскому парку. Размок-
шие дорожки под кучами
опавших листьев, пруды, на-
сыпанные горки и крашеные
рогатки семинарии, игры и
побойща гогочущих семи-
наристов на больших пере-
менах.

Прямо напротив ворот се-
минарии стоял каменный
двухэтажный дом с ворота-
ми для извозчиков и нашею
квартирой над воротами, в
арке их сводчатого перекры-
тия.

...Когда мне было три го-
да, переехали на казенную
квартиру при доме Училища
живописи, ваяния и зодчест-

ва на Мясницкой против
Почтамта. Квартира помеща-
лась во флигеле внутри дво-
ра, вне главного здания».

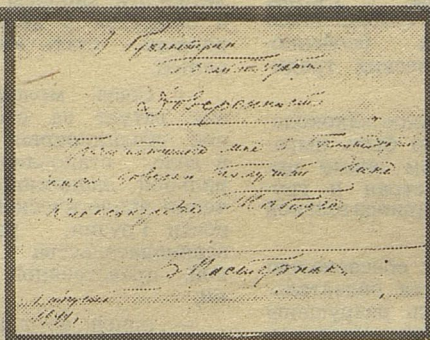
Борис рос в атмосфере
высокого искусства. «...Я
сын художника, искусство
и больших людей видел с
первых дней и к высокому и
исключительному привык от-
носиться как к природе, как
к живой норме. Социально, в
общественности оно для меня от
рождения слилось с обихо-
дом. Как размноженное яв-
ление оно для меня не вы-
делено из обиходности цехо-
вым помостом, не взято в
именные кавычки, как для
большинства. Размежевы-
вающей строгой нотой со-
провождается у меня только
моя собственная работа».

У Пастернаков бывали

рый благословил юного Па-
стернака на композиторство
и музыкальное творчество.

Весну и лето 1912 года он
проводит в Германии, в
Марбурге, известном на
весь мир своей философ-
ской школой. Что привело
двадцатидвухлетнего сту-
дента в германские фило-
софские дали?

«Марбургская школа»
представляет одно из на-
правлений неокантианства.
Чем они прославились? От-
бросив материалистическую
тенденцию в учении Канта,
они «перешли на позиции
последовательного субъек-
тивного идеализма» (так
поясняет нам философский
словарь)... Мысли о Боге и
дарованной им жизни, ис-
кусство и его назначение,

На снимках: Б. Пастернак, 1933 г. (вверху); Дом-музей Тициана Табидзе в Тбилиси: экспозиция, посвященная Пастернаку — книги, автографы, письма, фото; Борис Пастернак с группой русских и грузинских писателей в Мо-
ске, на I съезде Союза писателей СССР в 1934 году; Нита Табидзе.

Фото М. Матвелашвили.

вала, концентрируются в образ-видение, слово-мысль, музыку-ритм, посредством которых зарождается новая энергия (не из той, что нигде не исчезает и появляется из ничего, лишь видоизменяется, переходит из одного вида в другой).

* * *

Свет одиноких сосен Подмосковья, тепло-любовь мтацминдского двора, где свет-тепло чрез мост воздушный соединились в вечном Доме... Там роздали нам Благовест, молитву, свечи, слезы... крест.

«Воздушный путь» связал Переделкино с Тифлисом, Пастернаков с Табидзе, русское слово с грузинским... «Воздушный путь» привел нас в очередной раз в Дом Поэта и Друга Поэта, в дом № 18 по Грибоедовской.

«Как-то в сумерки Тифлиса Я зимой занес стопу».

Так уж получилось, что я писал об этом доме, о его обитателях в течение ряда лет. Каждый раз мучительно размышляя: что же нового на сей раз сказать о нем, где найти образы и слова? Я поднимаюсь по деревянным ступенькам в старинный мтацминдский особняк, расположенный на углу Чавчавадзе и Грибоедова. Здесь живет мой верный и давний друг, добрый друг всех людей, кто стремится сюда, ведомый памятью и любовью к искусству, здесь живет Нита Табидзе, а вместе с нею и все те, кто когда-либо переступал порог этого дома, ныне Дома-музея Тициана Табидзе.

...У Ниты Тициановны сегодня День поминания Поэта, брата и друга Тициана. Всегда и всюду Нита Табидзе не забывает говорить о том, что заботу об их семье после смерти Тициана взял на себя Борис Пастернак. Вместе с мамой она каждый год ездила в Переделкино, а потом, когда не стало Зинаиды Николаевны и Нины Александровны, она продолжила родственные связи с младшими Пастернаками. Родству и братству тому радуется уже третье поколение обеих семей.

Из воспоминаний Ниты Табидзе, которыми она делится в книге о Станиславе Нейгаузе:

«В 1955 году, вторично потеряв зрение, я поехала лечиться в Рязань. В Тбилиси я возвращалась через Москву, и Борис Леонидович пригласил нас в Переделкино. Был устроен обед, на котором были Генрих Густавович Нейгауз с Милицей Сергеевной, Святослав Рихтер с Ниной Дорлиак. На мотоцикле из Москвы примчался Стасик (Станислав Нейгауз, известный пианист, сын Г. Нейгауза, воспитывался в семье Бориса Пастернака. — Прим. Г. Г.).

Десять лет подряд я каждый год приезжала в Москву. Но город не видела — на Курском вокзале меня перехватывали Стасик и Наташа Пастернак, и мы отправлялись прямо в Переделкино.

В марте 1965 года мама получила от Зинаиды Николаевны письмо, в котором та писала, что очень больна и просит приехать. На 2 апреля был назначен юбилейный вечер Т. Табидзе, а на 4-е она взяла билет. Но первого апреля стало плохо самой маме. Юбилей отложили, а 17 апреля ее не стало.

Леня и Стасик скрыли от матери смерть Нины Александровны, и тетя Зина все писала в Тбилиси письма, недоумевая, как такая близ-

кая подруга могла бросить ее в беде.

Сердце мое разрывалось от мысли, что тетя Зина так обижена на маму, которой уже не было в живых. Через сорок дней я выехала в Москву. Было начало мая. Тетю Зину я застала в саду. Увидев меня, она неожиданно сказала: «Я все знаю. Я вчера во сне видела, как хоронят Нину».

Зинаида Николаевна жила в Переделкине вместе со своей маленькой внучкой Леночкой и ее няней Лизой. Переделкинские вечера... С работы приезжали Леня и Наташа, чтобы утром отправиться обратно. С сигаретой в руке, раскладывая пасьянс, Зинаида Николаевна особенно ждала возвращения Стасика — с концерта, с занятий в консерватории. Почти каждый вечер ее навещали Н. Н. Вильмонт с семьей, Асмусы. Собравшись вместе, принимались играть в карты, в буриме, живо, весело, остроумно, много спорили. Душой всех игр был Стасик, из которых он обычно выходил победителем.

А днем с тетей Зиной оставалась я. У нее начинались боли. Как-то всю бессонную ночь она рассказывала мне свою жизнь, и очень переживала, что, когда первый раз поехала в Грузию, не взяла с собой Стасика, который так и не смог ей этого забыть.

Помню тетю Зину в 1966 году, за несколько дней до смерти. Она все курила и на наши увещеванья отвечала: «У меня очень умный врач, он не позволяет мне менять старых привычек. Наверное, понимает, что лучше не лишать меня последних радостей, которые у меня остались в жизни!».

Я никогда не видела, чтобы сыновья с такой честью относились к своей матери, казалось, они не знали, чем бы еще доставить ей удовольствие. Смерть ее они переживали просто безумно».

В 1959 году Борис Пастернак в последний раз приезжает в Тбилиси. Он — отшельник, изгнанник, после нобелевской «благодарности» и страстей по Живаго... К концу своей жизни «чужак», вынужденный покинуть родной город, приезжает в табидзевский дом, к грузинским друзьям.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони.
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда.
Ели сваленной бревно,
Путь отрезан отовсюду,
Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я, убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

...Сегодня у Поэта день рождения, и воздушный мост соединил нас дугою в столетие. Много имен прошло по этому мосту, много событий произошло. Но жива всегда память... Память о Поэте, о людях, его окружавших, оживающих в строках-перилах, словах-снах... Сегодня «воздушный путь» связал нас с Поэтом.

Г. ГРИГОРЯНЦ.